

*Александр
Тамоников*

ОДИН ПРОТИВ АБВЕРА

*Москва
2019*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Один против абвера / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-183526-2

Поразительная правда о военном времени. Суммарный тираж книг автора — около 10 миллионов экземпляров.

1943 год. Окруженная под Смоленском немецкая группировка неожиданно прорвала кольцо и вышла из-под удара. Советское командование уверено: немцам кто-то помог, указав слабое место в нашей обороне. На поиски вражеского агента прибыла группа армейского отдела контрразведки СМЕРШ под командованием капитана Алексея Саблина. Оперативники выясняют, что во время оккупации в районе активно работала разведшкола Абвера. Некоторые из ее выпускников впоследствии внедрились в действующие части Красной Армии. Саблин узнает кличку немецкого шпиона и определяет круг подозреваемых. Дело за малым — выявить предателя и взять его живым...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Тамоников А.А., 2018
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-183526-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

28 апреля 1943 года немцы контратаковали. Они опять сделали это на рассвете. Бронированный кулак из полутора десятков «Тигров» и «Пантер» ударил южнее городка Ненашев. Танки в камуфляжной расцветке выезжали из леса и устремлялись через поле к деревне Коптянка. За ними густо шла пехота.

Удар оказался стремительным, внезапным. Мотоциклетные подразделения на левом фланге смяли жидкие заслоны красноармейцев, оседлали дорогу, соединяющую Коптянку с селом Ситным, и устремились на соединение с основной группой.

Котел в районе Ненашева, в котором были заперты два потрепанных пехотных полка 9-й армии, остатки танковых частей и штаб разгромленной дивизии, просуществовал две недели. Капитулировать немцы отказались, несколько раз пытались вырваться, но откатывались обратно.

Ситуация складывалась странная. Добить противника в Ненашеве Красная армия не могла. У нее не хватало сил, резервы еще не подошли. Сам городок и окрестные леса были окружены. Они по нескольку раз в день обстреливались из орудий, чтобы противник не смог перегруппироваться.

Немцы огрызались, но у них кончались боеприпасы, не говоря уж о полном упадке боевого духа. До застывшей линии фронта было четыре километра, но и там германское командование не могло собрать достаточно сил, чтобы вызвать своих окруженцев.

И вот сегодня немцы снова пошли на прорыв. Они ударили на оголенном участке, где пыль им в глаза пускала бутафория. Это были макеты пулеметных гнезд, неисправные орудия и танки, сколоченные из фанеры.

Стрелковый батальон, прикрывающий этот участок, был скрытно выведен с позиции днем ранее. Он заткнул дыру севернее райцентра Бутото. Замена ему не подошла.

Именно в этот момент немцы и ударили сразу всем, что имели. Они работали оперативно, не дожидаясь, пока советское командование перебросит сюда силы с других участков. Несколько сотен пехотинцев валом шли за танками, которые лихо давили траншеи с бутафорией.

Отделение красноармейцев, призванное имитировать наличие войск, пыталось оказать со-

противление. Поздно проснулись! Танковые пулеметы расстреливали их в упор.

Последний боец за миг до смерти успел бросить связку противотанковых гранат под гусеницу «Тигра», утюжащего траншею. Стальная машина остановилась, окуталась дымом. Взрыв повредил ходовую часть, разлилось топливо.

Откинулись люки на башне. Члены экипажа в черных комбинезонах спрыгивали на землю. Последний не успел — детонировал боекомплект. Стальной гигант полыхнул как факел. Горящий танкист катался под гусеницами, истошно орал. Никто из товарищей не бросился его спасать. В этом уже не было никакого смысла.

На исход операции это не повлияло. Танки миновали траншею, шли по полю, набирая скорость. Пехотинцы укрывались за тяжелой техникой. Танкисты вели огонь по окраинным избам Коптянки. Они разлетались как картонные коробки. Пламя быстро охватывало дворовые постройки. Спасались бегством немногочисленные местные жители. Танки уже катили по деревенской улице.

Несколько красноармейцев выбежали на дорогу, все полуодетые, оторопевшие. Одного убило сразу, другие залегли в придорожной канаве, стали отстреливаться. Головной танк сменил направление, гавкнула пушка. Взрывом накрыло горстку людей.

На южную опушку выезжали трехтонные грузовики «Опель-Блиц», набитые солдатами, не участвующими в бою, ранеными, штабными офицерами. Машины выбирались на дорогу, устремлялись в коридор, пробитый танками. Маленькая деревня пылала как большой пионерский костер.

Из уцелевшей избы на западной окраине Коптянки выбежал молодой взъерошенный лейтенант. Он ночевал у своей зазнобы, с которой познакомился днем ранее. В спину ему несли испуганные женские крики. Он впрыгнул в сапоги, проигнорировав портянки, застегивал на бегу гимнастерку. Ревели двигатели тяжелых танков, рвались снаряды, пылал соседний дом.

Лейтенант метался по двору как обезглавленный петух. Он кинулся к калитке, распахнул ее и попятился, увидев вражеское войско, несущееся по дороге. Этот парень головой отвечал за данный участок!

Лейтенант кинулся обратно во двор, метнулся к «газику», ночевавшему у дровяной поленницы, собрался сесть за руль, но передумал. Он не был трусом, да и понимал, что поздно спасаться бегством.

Лейтенант выволок с заднего сиденья ручной пулемет Дегтярева образца 1927 года, схватил два дисковых магазина на 47 патронов. Руки тряслись, не слушались его. Он кое-как пристроил под мышку пулемет, уцепил магазины и бросился в дом.

— Матрена, в подвал, живо! — выкрикнул офицер дрожащим голосом. — И не выходить!

Она метнулась из спальни, вся растрепанная, перепуганная. Женщина путалась в полах ночной рубашки, что-то бормотала, хватала его за рукав, редела как на похоронах. Он оттолкнул ее, еще раз облаял.

Скрипела, гнулась лестница, ведущая на чердак. Лейтенант забросил наверх магазины, пулемет, вскарабкался сам, разложил сошки, поволок свое оружие к крохотному слуховому окну. В этом грохоте никто не слышал, как он вынес стволом стекло.

Парень распластался на полу, дрожа от волнения. Горячий пот растекался по лицу вчерашнего курсанта военного училища, щипал глаза.

Немцы вырывались из окружения практически без боя. Гремели танки, за ними бежали запыхавшиеся пехотинцы, ехали грузовики. Люди в серой форме наводнили узкую улицу.

Он ударил из пулемета, не задумываясь о последствиях. Первая очередь, пробная, вспорола землю под сапогами солдат. Вторая сбила несколько человек, разорвала брезентовый тент грузовика. Водитель получил пулю в плечо, резко крутанул баранку, и машина стала давить своих. Трещали кости, орали пехотинцы.

А пулеметчик продолжал поливать их огнем. Они валились как подкошенные. Офицер что-то каркал, размахивал «Люгером». Немцы воевать

умели, источник беспокойства обнаружили быстро и открыли огонь по нему.

Но пулеметчик продолжал их косить. Через минуту он взял короткую паузу, сменил диск и продолжил свое дело.

Движение на дороге застопорилось. Грузовик съехал в кювет, перекрыл проезжую часть. Солдаты пятились, залегали. Остановился танк, дернулась, поворачиваясь, башня.

Лейтенант спешил истратить боезапас.

По левой обочине подошел второй танк, уперся в грузовик, протолкнул его дальше в кювет, освобождая проезд. Башня первого танка прекратила вращение.

Молодой лейтенант не хотел умирать. Он жизни-то толком не видел! Этой ночью молодой офицер совершил преступную ошибку, бросил ситуацию на самотек, пленился пышными формами одинокой вдовушки и теперь пытался хоть что-то исправить.

Он понял, что сейчас произойдет, бросил пулемет, патронов к которому все равно не осталось, покатился на другой конец чердака. Парень рухнул в люк, загремел по лестнице и, кажется, что-то сломал. Боль рвала его от пяток до ушей.

Танк выстрелил, когда он кувыркался по ступеням. Взрывом снесло чердак. Верхняя часть дома разлетелась на куски. Все рушилось, лейтенанта завалило огрызками дерева. Он извивался, кашлял в клубах пыли, выползал из-под обломков. Вместо потолка над ним красовалось светлеющее небо.